

О. В. Перзашкевич

Белорусский государственный университет, Минск

Aleh Perzashkevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(55)+297

К ВОПРОСУ ОБ ОКРУЖЕНИИ ВЕЛИКОГО МОГОЛА АКБАРА И ФОРМИРОВАНИИ ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ПО ДАННЫМ АКБАРНАМА)

TO THE QUESTION OF THE GREAT MOGHUL AKBAR'S ASSOCIATES AND THE FORMATION OF HIS WORLDVIEW (ACCORDING TO THE АКБАРНАМА)

Статья посвящена двум ближайшим соратникам Великого Могола Акбара – Байрамхану и Бирбалу, чье влияние на становление самого правителя и его мировоззрение оказываются очень значительными. Основные сведения о жизни и деятельности этих исторических фигур излагаются по данным Акбарнама Абу-л Фазла. Названный источник является, пожалуй, самым значительным произведением, посвященным жизни и деятельности и Байрамхана, и Бирбала. Наряду с этим рассматривается связь Байрамхана со становлением государственных институтов державы, а Бирбала – с учением дин-и иллахи.

Ключевые слова: Байрамхан; Бирбал; Акбарнама; дин-и иллахи; Акбар; Государство Великих Моголов; мировоззрение.

The article is devoted to the two closest associates of the Great Mogul Ruler Akbar – Bayramkhan and Birbal, whose influence on the formation of the ruler himself, and to his worldview was very strong. The main information about the life and work of those historical figures has been presented with Akbarnama of Abu-l Fazl. That source should probably be considered as the most significant work, dedicated to the life and work of both Bayramkhan and Birbal. Along with that, the paper reviews a connection of Bayramkhan with formation of state institutions of the Moghul state, and of Birbal with the doctrine of Din-i Illahi.

Key words: Bairamkhan; Birbal; Akbarnama; Din-i Illahi; Akbar; the State of the Great Moghuls; a worldview.

История жизненного пути и эволюция мировоззрения вельмож и сановников крупных восточных государств средневековья и раннего Нового времени имеют существенное значение не только для создания исторических биографий и изучения микроистории. Они позволяют отразить важнейшие тенденции формирования идеологических основ государств, объединявших разные народы, приверженцев разных религий, носителей разных убеждений.

В статье речь пойдет о двух ключевых фигурах, оказавших влияние на становление Акбара, правителя Великих Моголов (правившего в 1556–1605 гг.), а именно о Байрамхане и Бирбале.

Первый много лет был более чем влиятельным военачальником [6, с. 247], а в 1556–1560 гг. даже регентом Государства Великих Моголов, второй – великим визирем государства, членом государственного совета [8, т. 3, с. 787].

Пожалуй, самым значительным произведением, посвященным жизни и деятельности Байрам-хана, является фундаментальный историко-литературный труд Абу-л Фазла «Акбарнама» [10], и, прежде всего, его первая и вторая книги.

Рассказ о Байрам-хане начинается в рамках боев Хумаюна с султаном Гуджарата Бахадур-шахом за Чампанир 1535 г., когда речь идет о штурме стены города, в ходе которого Байрам-хан сороковым взбирается на стену по вбитым железным гвоздям, а сразу за ним следует Хумаюн, названный здесь и во многих последующих фрагментах «джаханбани» («повелитель мира» на фарси и урду) (Акбарнама I, 23) [10, т. 1, с. 300–318].

Следующее упоминание касается данных об участии Байрам-хана в военном походе Хумаюна на Восток в составе многочисленной свиты правителя, в ходе которого состоялось Хумаюн принял присягу на верность от родственных отношениях между Байрам-ханом и Хумаюном, а также о кровной связи Байрама с Бабуром.

Согласно приведенным в источнике данным, жена Байрам-хана Салима была его дальней родственницей и внучкой (или даже правнучкой) Бабура, которому Байрам-хан приходился четвероюродным племянником по линии своего отца из клана Бахарлу. Также Байрам-хан был племянником Хумаюна по женской линии через Гюль Ранг-бегум (Акбарнама I, 25) [10, т. 1, с. 326–348].

Немалую роль сыграл Байрам-хан и в последующих боях Хумаюна за Бенгалию, которые не принесли правителю желаемого результата (Акбарнама I, 25), а также в последовавших за тем боях за земли на левом берегу Инда в апреле 1543 гг. Правда, прежде, чем снова оказаться в рядах армии Хумаюна, Байрам-хану пришлось несколько лет скитаться (Акбарнама I, 27) [10, т. 1, с. 377–383].

После описанных событий, Байрам-хан упоминается среди военачальников во времена сражений Хумаюна за Кандагар и Кабул и похода на Запад, в пустынные земли Персии, конечной целью которого рассматривалась даже Мекка (Акбарнама I, 29) [10, т. 1, с. 387–397].

Состоял Байрам-хан в свите Хумаюна и при заключении союза последнего с Шахом Ирана Тахмаспом I в 1544 г. в качестве самого приближенного к правителю военачальника (Акбарнама I, 33) [10, т. 1, с. 412–457] и активно участвовал во взятии Кандагара в 1545 г., где он был управляющим до 1554 г. (Акбарнама I, 54+56) [10, т. 1, с. 596–597, 610–614], а также принимал участие в дипломатических и представительских миссиях в регионе (Акбарнама I, 37+41+50) [10, т. 1, с. 461, 501, 577–580].

Во второй половине 1554 г. в Кабуле Байрам-хан написал оду в честь победы принца Акбара в состязании стрелков из лука (Акбарнама I, 56) [10, т. 1, с. 610–614].

В самом конце 1554 г. Байрам-хан покидает Кабул и присоединяется к войскам Хумаюна, снова двинувшимся на левый берег Инда. В феврале 1555 г. Байрам-хан командует войсками в Харьяне и участвует во взятии Лахора (Акбарнама I, 58) [10, т. 1, с. 620–628], а осенью того же года становится регентом Пенджаба при малолетнем Акбаре, который, в свои 13 лет, по воле Хумаюна, стал правителем этой территории (Акбарнама I, 60) [10, т. 1, с. 639–640].

После смерти Хумаюна 27 января 1556 г. Байрам-хан находился рядом с Акбаром в Пенджабе, возглавляя главные военные силы наследника в борьбе за престол с другими претендентами (Акбарнама I, 63) [10, т. 1, с. 662].

После воцарения Акбара 14 февраля 1556 г. Байрам-хан получил титул «Вакил-ас-султанат» (перс. «правитель государства»). В его руках были установление и разрыв международных и внутренних отношений страны, которую источник называет Халифатом, созыв и роспуск армии (Акбарнама II, 1+5) [10, т. 2, с. 9, 26].

17 февраля 1556 г. по приказу Байрам-хана был арестован Шах Абу-л Маали, влиятельнейший фаворит Хумаюна, который был объявлен спившимся безумцем (Акбарнама II, 6) [10, т. 2, с. 27–31].

Среди первых действий Байрам-хана как правителя государства, имевшегося в это время титулом «хан ханан» («хан ханов») были также назначение шейха Гадаи Камбу садром Дели (Акбарнама II, 7) [10, т. 2, с. 36], убийство обманным путем своего названного брата, командующего войсками Дели, хана Тардибека (совершенное без позволения Акбара, но прощенное Байрам-хану) (Акбарнама II, 9) [10, т. 2, с. 51], участие в создании группировки передовых сил наступающей армии Акбара (Акбарнама II, 10) [10, т. 2, с. 54], победа в войне над индуистским полководцем Хему Чандрой Викрамадितьей (Акбарнама II, 11) [10, т. 2, с. 62].

После того, как Байрамхан женился на младшей сестре жены Акбара, 17 декабря 1556 г. у Байрам-хана в Лахоре родился сын Абду-р Рахим (Акбарнама II, 12) [10, т. 2, с. 76].

В следующем 1557 г. Байрам-хан принял участие в осаде крепости Манкот (Акбарнама II, 13–14) [10, т. 2, с. 81–82, 86], став даже, на какое-то время, командующим осадой. В это время он выступил против брачного союза Акбара с дочерью правителя Бухарского ханства Абдулла-хана Могула, но признал свою неправоту и стал распорядителем торжеств по поводу заключения этого брака. Помимо этого, Байрам-хан на какое-то время вынужден был отойти от дел, поскольку страдал от нарывов на теле (Акбарнама II, 15) [10, т. 2, с. 92–100].

После взятия Манкота Байрам-хан, как военачальник-победитель на какое-то время перестал считаться даже с интересами Акбара, что проявилось в даровании трофейных боевых слонов своим приближенным. Таким образом были подарены даже некоторые слоны из личного резерва самого Акбара без ведома последнего (Акбарнама II, 15) [10, т. 2, с. 94–95].

В конце 1557 г. в Джаландхаре Байрам-хан женился на Салиме Султан-бегум, которая была обещана ему ещё Хумаюном как награда за покорение Индии (Акбарнама II, 15) [10, т. 2, с. 97].

На основании этой главы Акбарнама (Акбарнама II, 15) [10, т. 2, с. 98–100], о родственных связях Байрам-хана можно сказать следующее.

Али Шукр-бек из Чернобаранных туркмен был отцом Паши-бегум, которая в первый раз вышла замуж за Хаджу Хасана. Их сыном был Мирза Алааддин Мухаммад, а его сыном был Мирза Нураддин Махмуд, который женился Гульбарг (или Гульрух)-бегум. Их дочерью была Салима Султан-бегум.

Во второй раз Паша-бегум вышла замуж за Султана Махмуда Мирзу. Их внуком был Байрам-хан. Матерью Байрам-хана названа была Нагина-ханум.

Дочь Султана Махмуда Мирзы и Паши-бегум и тетка Байрам-хана Махам-бегум стала женой Бабура и матерью Хумаюна. Таким образом, Хумаюн и Байрам-хан были двоюродными братьями по линии Паша-бегум.

Отец Бабура Умар-шейх Мирза был родным братом деда Байрам-хана Султана Махмуда Мирзы. Таким образом, Бабур был двоюродным дядей Байрам-хана. И по этой линии Байрам-хан и Хумаюн были троюродными братьями.

Таким образом, Мирза Нураддин Махмуд и Байрам-хан были двоюродными братьями по линии Паша-бегум. Соответственно, жена Байрам-хана Салима Султан-бегум, по линии своего отца, была Байрам-хану и Хумаюну двоюродной племянницей, а Акбару – троюродной сестрой.

Эти данные не совпадают с тем, что следует из сказанного о родственных связях Байрам-хана с Салимой Султан-бегум в первой книге Акбарнама (см. выше), однако из самого текста памятника установить, которая из версий является более верной, не представляется возможным.

Весной 1558 г. Байрам-хан, сопровождал Акбара в Сирхинд, где на тот момент покоился саркофаг Хумаюна, после чего, вместе с армией, вернулся в Дели, где оказался втянутым в споры между богословами (Акбарнама II, 16+21) [10, т. 2, с. 101–103, 130–136].

В 1560 г. Байрам-хан впервые упоминается как тот, кто совершил деяние, не совместимое с приемлемыми в окружении Акбара нормами. По его приказу был казнен личный погонщик слона Акбара, хотя этот человек не был виноват в том, что управляемый им слон повел себя агрессивно. Хотя Акбар и не придал этому поступку особого значения, репутация Байрам-хана при дворе пошатнулась (Акбарнама II, 23) [10, т. 2, с. 138–144].

В дальнейшем, политические и административные решения Байрам-хана не раз приводили к росту напряженности в стране, что последовательно снижало его авторитет в глазах как окружения Акбара, так и самого правителя (Акбарнама II, 24) [10, т. 2, с. 145–151].

Одновременно с этим процессом, Акбар всё больше брал власть в свои руки, всё меньше обращаясь к Байрам-хану по вопросам, касающимся управления страной. Особенно неприятно было Байрам-хану его частичное отстранение от военных вопросов.

К середине 1560 г. такое положение дел стало вызывать у Байрам-хана серьезное беспокойство. В результате, окруженный льстецами и подхалимами, военачальник стал планировать собственные военные действия по наведению порядка в том виде, в каком он сам его себе представлял. Постепенно это вылилось в фактическое противостояние с планами и замыслами Акбара (Акбарнама II, 24–26) [10, т. 2, с. 149–158].

В августе 1560 г. в Пенджабе произошло открытое столкновение войск, ведомых Байрам-ханом, и армии Акбара. В результате войска Байрам-хана потерпели тяжелое поражение (Акбарнама II, 27) [10, т. 2, с. 159–160]. В сентябре 1560 г. Байрам-хан был смещен с должности главнокомандующего и управляющего страной. Его место при дворе Акбара занял Муним-хан, а в армии – Атка-хан (Акбарнама II, 29) [10, т. 2, с. 168–176].

Сам Байрам-хан с верными силами отступил в Тальвару. После того, как за ним туда двинулись войска Акбара, Байрам-хан решил прекратить сопротивление и сдаться, признав все свои ошибки. И Акбар принял его и простил, разрешив при этом совершить хадж, в который Байрам-хан и отправился (Акбарнама II, 31) [10, т. 2, с. 178–175].

В январе 1561 г., в Паттане, где Байрам-хан остановился по пути в Мекку, он был убит афганскими разбойниками. Один ударил его кинжалом в спину, другой поразил мечом в голову (Акбарнама II, 32) [10, т. 2, с. 199–201].

Так скончался Байрам-хан. Последними его словами были «Аллах Акбар». По велению Акбара он был похоронен с почестями, достойными верховного правителя (Акбарнама II, 32) [10, т. 2, с. 202].

О жизни Бирбала совершенно точных данных нет. Считается, что он родился в бедной брахманской семье в Тикван-пуре (округ Канпур), при рождении получил имя Махеш-дас. Датами его жизни принято считать 1528–1586 гг. [7, с. XIII].

После службы при дворах разных раджей, где проявились его необыкновенные способности и ум, Бирбал в начале 1560-х гг. попал ко двору самого Великого Могола. Своей сообразительностью и остроумием, а также поэтическим и писательским талантами, он обратил на себя внимание Акбара, и тот наградил его большим именем, присвоил титул эмира (что соответствовало индийскому радже) и множество других титулов, например, «мудрый советник», «царь поэтов», «вершитель правосудия». Тогда же Махеш-дас получил и новое имя – Раджа Бирбар («царь из героев»),

впоследствии вошедший в индийские языки как «Бирбал» (Акбарнама III, 8) [10, т. 3, с. 52].

Именно Бирбал, как полагают, был одним из инициаторов и искренним приверженцем «дин-и иллахи» («божественной веры») – нового учения, связанного с именем Акбара [4, с. 247].

Как известно, «дин-и иллахи» – это синкретическая религиозная доктрина, созданная Акбаром Великим в надежде объединить ислам, индуизм и некоторые положения других религий Империи Великих Моголов, а именно христианства, джайнизма и зороастризма. Акбар полагал, что новая религия устранил религиозную рознь между его подданными [9, с. 209–222].

Дин-и иллахи признавала единство Бога (разумеется, под именем Аллаха), который открывал себя в различных религиях с разных сторон. Новое вероучение сочетало идеи ислама, индуизма, христианства, зороастризма и джайнизма, критически переосмысленных в окружении Акбара. Особое внимание учение уделяло Солнцу и огню, как это было принято у зороастрийцев и индуистов. Акбар сам совершал возжигание неугасимого пламени, носил брахманский шнур и особый знак на лбу. Примечательно, что при дворе Акбара была запрещено есть мясо [5, с. 135].

Приветствовались при дворе Акбара также внимание и уважение к другим религиям. Сам властитель в своей резиденции Фатехпур-Сикри учредил ибадат-ханэ (молитвенный дом), где представители различных школ религиозной мысли – мусульмане, индусы, парсы, джайны и христиане – участвовали в философских диспутах на различные темы [3, с. 191–192].

Изучая разные учения, Акбар пришёл к мысли, что все религии прославляют единого Бога, и, следовательно, никакая из них не обладает монополией на истину. В этом случае религиозные распри не должны иметь никакого смысла [3, с. 192].

Итак, в результате размышлений и бесед со своим окружением в 1581 г. Акбар Великий объявил о создании нового учения дин-и иллахи. Судя по всему, оно всегда представляло собой более этическую, нежели религиозную систему. Вожделиние, чувственность, клевета и гордость рассматривались в ней как грехи, а набожность, благоразумие, воздержание и доброта почитались как основные добродетели. Душа очищалась посредством жажды общения с Богом. Убийство животных было запрещено. Примечательно, что новое учение не имело собственных священных писаний и иерархов, признавая все существующие писания и служителей. Тем не менее, многие мусульманские авторитеты сразу объявили дин-и иллахи вероотступничеством. Примерно такой же была реакция и со стороны служителей других культов [9, с. 210–216].

Следует также заметить, что такое отношение к новому учению, особенно со стороны мусульман, могло быть вызвано и еще одним обстоятельством. Дело в том, что в дин-и иллахи отчетливо просматривался культ самого Акбара. Во-первых, благосклонность правителя прямо зависела от

того, насколько его приближенный был предан ему лично. Причем эта преданность, очевидно, должна была выражаться в поклонении Акбару как божеству, в том числе и в рамках следования правилам дин-и иллахи. Поскольку Акбар позиционировал свое учение как реформу ислама, происходящую через 1000 лет после откровения пророка Мухаммеда [2, с. 207–211], правитель, как считают некоторые исследователи, не возражал, чтобы его объявили новым пророком. В частности, именно так предлагают толковать в рамках дин-и иллахи формулу «Аллах велик» («Аллаху акбар») – а именно, «Бог – это Акбар».

Сложность, отсутствие массовой поддержки, а также, возможно, культ правителя, привели дин-и иллахи к тому, что оно распространилось лишь в придворных кругах, да и то ненадолго. Так, главнокомандующий императорской армии Раджа Ман Сингх отказался обратиться в новую религию, утверждая, что признаёт только индуизм и ислам. Кроме самого Акбара, единственным, кто остался приверженцем новой религии до самой смерти, был великий визирь Бирбал.

На одной из площадей Фатехпур-Сикри до сих пор стоит двухэтажный дом, в котором причудливо переплетаются черты мусульманской и индуистской архитектуры. Этот дом в 1572 г. Акбар Великий приказал построить для Бирбала и навестил его там. Таким образом, Бирбал был удостоен великой чести проживать в новой столице по соседству с самим великим правителем (Акбарнама III, 60) [10, т. 3, с. 617].

Согласно источникам, Акбар Великий почти никогда не расставался со своим любимым советником и брал его с собой во все военные походы. В одном из сражений Бирбал погиб, тело его не было найдено. Говорят, что Акбар в течении долгого времени оплакивал его смерть, которая, по всей видимости, произошла в результате предательства, а не военного поражения.

Имя Бирбала окружено множеством легенд и преданий. Его образ, созданный индийским народом, живет в сказках, смешных историях и анекдотах. Его заметными гранями являются политическая гибкость, не переходящая при этом в подхалимаж, и природная смекалка. Вот лишь один пример.

Настало время подвести итог. За свои деяния Бирбал удостоился того, чего не было дано большинству великих мира сего, в т. ч. ни Байрамхану, ни даже самому Акбару Великому, – доброй народной памяти. Хотелось бы закончить словами одного индийского предания. После смерти Бирбала Акбар спросил его сына: «Сколько жен сожгли себя на погребальном костре вместе с телом твоего отца?». Тот ответил: «Три: Смелость, Щедрость и Мудрость. Четвертая, Добрая слава, осталась жить!» [1, с. 5].

Список использованных источников

1. Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Бирбала. – М.: Наука, 1978. – С. 269.
2. *Chaurasia, R. S. History of Medieval India: From 1000 A.D. to 1707 A.D. / R. S. Chaurasia.* – New Delhi: Atlantic Publishers & Dist., 2002. – 337 p.

3. *Eraly, A. Emperors of the Peacock Throne: The Saga of the Great Mughals / A. Eraly.* – New Delhi: Penguin Books India, 2000. – 555 p.
4. *Farooqui, S. A. A Comprehensive History of Medieval India: Twelfth to the Mid-eighteenth Century / S. A. Farooqui.* – New Delhi: Pearson Education India, 2011. – 415 p.
5. *Puskar-Pasewicz, M. Cultural Encyclopedia of Vegetarianism / M. Puskar-Pasewicz.* – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2010. – 290 p.
6. *Ray, S. Bairam Khan / S. Ray.* – Institute of Central and West Asian Studies, Faculty of Arts, University of Karachi, 1992. – 287 p. (с. 247).
7. *Sarin, A. V. Akbar and Birbal / A. V. Sarin.* – New Delhi, Puffin Books, 2005. – 143 p.
8. *Sharma, S. R. Mughal Empire in India: A Systematic Study Including Source Material / S. R. Sharma.* – New Delhi, Atlantic Publishers & Dist, 1999. – Vol. 3.
9. *Smith, V. A. Akbar the Great Mogul, 1542–1605 / V. A. Smith.* – Oxford: The Clarendon Press, 1917. – 379 p.
10. *The Akbarnama of Abu'l Fazl: transl. from the Persian by H. Beveridge.* – Calcutta: Arunima Printed Works, 2000. – Vol. 3.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

Д. В. Пясецкий

Белорусский государственный университет, Минск

D. Piasetski

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(474/476ВКЛ)«13/14»(092)+94(438)«13/14»

**ТИТУЛ «НАИВЫСШИЙ КНЯЗЬ ЛИТВЫ»
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО И ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА
В 1386–1413 ГГ.**

**THE TITLE “THE HIGHEST PRINCE OF LITHUANIA”
IN THE RELATIONS OF THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA AND THE KINGDOM OF POLAND
IN 1386–1413 YEARS**

В статье рассматривается вопрос политического сюзеренитета польского короля Владислава Ягайло над Великим Княжеством Литовским в 1386–1413 гг. Это прослеживается через использование специального титула «наивысший князь Литвы», который в это время принадлежал Ягайло. Основное внимание принадлежит тому, что польский король Владислав II воспринимал территорию Великого Княжества Литовского как свою личную собственность в составе Ягеллонской унии. Отмечено, что Великое Княжество Литовское входило в состав Ягеллонской унии именно как собственность короля Владислава, а новый титул позволял легализовать власть польского короля в Великом Княжестве Литовском.

Ключевые слова: Ягеллоны; Великое Княжество Литовское; наивысший князь Литвы.

In the article we consider the issue of the political suzerainty of the Polish King Vladislav Jagiello over the Grand Duchy of Lithuania in 1386–1413. This can be traced through the use of